

Первый блин-сезон

Александр ИНЯХИН

Для Астраханского драматического театра это был 186-й, а для его нового художественного руководителя Никиты Ширяева — первый сезон.

Работавший во многих городах страны, режиссер взял невероятно резвый рабочий ритм, выпустив в течение сезона сразу несколько новых постановок, из чего сложился по-своему уникальный "фестиваль-премьер", куда вошли почти все новые спектакли: "Сон..." по В.Шекспиру, "Идиот" Ф.Достоевского, "Семейный портрет с посторонним" С.Лобозерова, "Призрак Александра Вольфа" по роману Г.Газданова, "Аторкватто" А.Николаи и "Времена года", то есть "Двенадцать месяцев" С.Маршака.

Завершилась последняя неделя сезона студенческим спектаклем "Первый блин-концерт", где персонажи всех премьер сошлись вместе на фоне супер-шлягеров, вовсе не пародийно, а живым звуком и с живым чувством спетых юными участниками актерской студии театра. Живой звук обеспечил хороший ансамбль под названием "Револювер", а живое чувство привнесло на сцену студенты, каждый из которых пел, по существу, значительно лучше, чем многие суперзвезды нынешней эстрады, хотя бы потому, что стремились выразить суть лирической стихии того или иного номера куда больше, нежели сами ее "носители". А просидевший весь вечер в зале худрук под финал вдруг сам с такой искренностью и чистотой стиля "рванул" один из хитов Луи Армстронга, что зрительские сердца задрожали от восторга.

От Шекспира до Армстронга за пять театральных вечеров. В этом неохватном, казалось бы, диапазоне есть своя художественная логика.

Только многоопытный худрук, да еще с актерским прошлым, знает "на своей шкуре", что новое дело в новом театре надо начинать с Шекспира, а лучшие всего — со "Сна в летнюю ночь". Высокая эстетика этой комедии, действие которой происходит в нескольких измерениях, позволяет занять в первой же работе большую часть труппы, где всегда есть артисты разных поколений и разных возможностей.

"Сон..." стал чисто театральной фантазией про безграничность искусства. Действие спектакля происходит всюду и всегда. Песенная чаща кажется пещерой сокровищ и легко превращается в лабиринт, а герои комедии облачены в античные тоги, живописные брейгелевские лохмотья или камзолы эпохи плаща и шляги. Этот художественный хаос становится хорошим фоном для лирических тем пьесы, где кроме квартета молодых героев не последнее место занимает некая самодостаточная дама, глубокомысленно читающая, к месту или по ассоциации, монологи из других пьес Шекспира (опытной актрисе Г.Збруевой удалось этим комментарием придать лирическую тональность всему происходящему, что помогло не забывать о драматических мотивах далеко не шуточной пьесы).

Другая работа, где тоже не свалишь на несовершенство драматургии — инсценировка "Идиота". Роман Ф.М.Достоевского предстал трагическим ансамблем, сыгранным на фоне сумеречного, сизого, фантастического города.

Каждый из участников спектакля сам для себя загадка и меньше всего отвечает стереотипу "достоевщины". Парфен Рогожин (Ю.Кондрашов) тут не похож на Григория Грязнова из "Царской невесты" или какого-нибудь стрельца в суриковском духе. Это хорошо одетый, вполне светский человек, который время от времени проваливается в какую-то жуткую тьму, где выгорает его яростная душа. Наталия Филипповна (Л.Григорьева) здесь старается открыть новому человеку такую же мятушную душу, неся всем и каждому не романтическую загадочность, а едкий ожог, природа которого ей самой неведома. Новый же человек (Мышкин — Е.Григорьев) — существо совершенно нежданное, в котором пугает необъяснимое сочетание невесомости и светлого голоса, едва не срывающегося в рыдание.

Дресированная нравственность. Глави (П.Ливоварова) оборачивается лицемерием, а расчетливый динья молодой Фердинандо (П.Прудников) делает этого величаво фигурой нежеланно стоящего

Все, что касается "линейного сюжета" про попытку сжечь сто тысяч, сыграно в полном уважении к чувствам зрителей, тем более, что дальше этого эпизода роман, кажется, мало кто читал. Но существеннейшим надсюжетным мотивом спектакля становится идея публичного одиночества расхристанных душ, жаждущих духовного события и неспособных себя понять и объяснить.

"Семейный портрет с посторонним" Степана Лобозерова — самая ставящаяся из современных пьес — тоже про взаимное непонимание хороших людей. Но, естественно, здесь совсем иные проблемы и другие жанровые краски. Режиссер и актеры придумали историю про нормальных людей, абсурдность жизни которых как бы накапливается до мелочам, как скапливаются в хозяйстве вещи разных времен. Они давно не используются — по назначению, но их жалко выбросить — вот и толпятся они в доме, словно "чеховские ружья" на стене; того и гляди, какое-нибудь да выстрелит. Вещи, как люди, тоже живут в ритме карнавальное суеты. Кряхтит старенький приемник и вещает новейший телевизор, на видном месте лежат суперутюг и дедовские самовары, а венчает композицию копия картины "Иван Грозный убивает своего сына", внушающая священный ужас не только юному постельяку, но и самим домочадцам.

Главная задача режиссера в подобной пьесе — избежать мудрствования. Никите Ширяеву это удается. Он отдает пьесу на откуп актерам, весело бросающимся во все тяжкие ради разудалой эксцентрики, в которой, как выяснилось, астраханские артисты знают толк. Особенно преуспела в этом сыгравшая Катюшу Н.Антоненко, актриса — смелая до лихости, яркая до режиссерского темперамента до экстаза.

Но даже в этой суматошной бабенке, в которой временно покалечившийся муж пристаёт с требованием устроить ему, болезному, именины, — даже в ней, уставшей от его неожиданной лени, живет влюбленная женщина, искренне не понимающая, что творится в очумевшем мире за порогом дома, не готовая по-русски истошно нести эту треклятую жизнь, как крест.

Совершенно иной пласт разрабатывается режиссером в спектаклях, особенно ему дорогих — "Призраке Александра Вольфа" Г.Газданова и "Аторкватто" А.Николаи.

И инсценировка романа философа осетинских кровей Гайто Газданова, одной из вновь открытых звезд русской литературной эмиграции, и эксцентрическая комедия абсурдиста-итальянца, произведения одинаково значительные, проникнутые модными нынче метафизикой и фатализмом, больше похожи на шахматные партии, где все логично, стройно, временами красиво, но умозрительно. Это все не негативное качество, но к нему нужны и привычка, и склонность. Однако ни того, ни другого русская театральная традиция не дает, отчего, в частности, не прижилась у нас западная абсурдистская драма — "группа крови" другая, органических совпадений мало, по сути их нет вовсе.

Спротивляясь этой инерции, Никита Ширяев увлеченно создает из умозрительных сюжетов эффективные зрелища, укладывая эмоциональные и чувственные потоки, какие в обеих пьесах, разумеется, можно обнаружить, в аккуратные симметричные построения. Оба спектакля в результате выглядят некими лабораторными экспериментами, обладающими странной притягательностью, от которой немного кружится голова — так необычно все, на сцене происходящее.

"Призрак Александра Вольфа" — история "внушенного убийства" — сценический триллер в духе Хемингуэя, где нервная рефлексия Журналиста (Е.Григорьев), внедряющегося в среду парижской богемной эмиграции, рождает фантастические чудовища, словно подсознание героя "Солариса". Действие происходит в некоем подобии бесплодного леса, среди сухих и гладких коряг, похожих на культовые японские сады, где так удобно размышлять о вечном и преходящем, мазохистски отдаваясь тайнам подсознания и интимным откровениям.

"Аторкватто" Альдо Николаи — пьеса, повествующая о параллельных, то есть, не соприкасающихся, мирах двух поколений — детей и родителей (второе название пьесы — "Дочки-матери").

Это тоже триллер, но триллер-перевертыш, в котором буквально все наоборот: родители играют молодые артисты, пародируя старческие повадки (П.Прудников и П.Ливоварова), а дочь и сына, напротив, опытные мастера, отчего их зависимость от произвола родителей кажется особенно беззащитной (Н.Антоненко и Б.Добролюбов).

Между тем, склеротически упрямая страсть родителей держать детей возле себя выглядит не менее трагичной и горькой. Что все так и было во все времена, становится ясно потому, что слуги обеих семей (Л.Григорьева и В.Демин) наряжены в шкуры каменного века, слуги процениума — в античные одеяния, а сами персонажи — родители и дети — и вовсе путешествуют во времени, облачаясь то в египетские, то в японские одежды. В результате главным достоинством зрелища становится красота этих экскурсий, когда начинаешь завороченно следить за тем, как стремительно и внезапно, как увлеченно и сосредоточенно персонажи и артисты меняют пластику, как преобразуется их внутренняя жизнь, как красивы в конце концов эти кимоно и тиары, тоги и хитоны.

Вообще очень многое в показанных на фестивале спектаклях определяется пылким вкусом и чувством стиля художника по костюмам Андрея Климова, постоянно работающего с Никитой Ширяевым.

Сегодня, когда сценикографический бум, пережитый в 70-х годах, остался далеко позади, на подмостки вышел новый художник — кутюрье, — зачастую ответственный за общее сценическое решение. Как много сегодня для сценического образа спектакля в целом значат костюмы Комоловой, Коженковой, Закурдаевой или Шарова!

Андрей Климов достойно встает в этот ряд, целиком строя пластическую жизнь спектаклей на актерских силуэтах — их ритмо-пластической природе, диктующей характер, поведение, даже социальный статус, не говоря уже о красоте как таковой, то есть гамме красок, их сочетаниях, неожиданных открытиях и прочем.

Историчны и театральны в равной степени костюмы персонажей "Аторкватто" и "Сна в летнюю ночь", пронизан модернизмом и в целом туалет Елены Николаевны, музсы героя в "Призраке Александра Вольфа", очаровательно озорное "дефиле" времен года в феерии по сказке С.Маршака.

В этом детском спектакле, кстати, тоже сделано многое, чтобы волшебство театрального зрелища открыло юным зрителям свои тайны: спектакль идет в зрительном зале, откуда вынесены ряды партера, и времена года, словно три феи (четвертый — юный бог весны, которому явно придется жениться на Пасхерисе), с неотвратимостью природного шквала кружат в медленном и блаженном вальсе, внушая и олицетворяя главную идею сказки — неизбежность мудрой гармонии всего сущего.

Никита Ширяев пришел в Астраханскую драму, наверное, зная о русской традиции наследовать нерешенные проблемы того места, куда пришел. Тем не менее, хочется надеяться, что проблемы, если они есть, не помешают становлению или хотя бы поискам мудрой гармонии, тем более, что "первый блин-сезон" оказался вовсе не комом.

